

Они встали под дерево, раскидистая крона которого давала густую тень. Лян Сычжэ смутно ощущал, что что-то случилось, но не мог понять, что именно. Он снова спросил:

— Что-то произошло?

— Где мой отец и... дядя Инь?

— Они в том доме, обсуждают следующую сцену. Хочешь, я тебя к ним отведу?

— Нет-нет, я не пойду, — Цао Е отступил назад и спиной упёрся в дерево. Место, где его ударили ремнём, всё ещё болело, и он невольно вскрикнул.

— Цао Е, что случилось? — Лян Сычжэ внимательно посмотрел на него и понял, что у него, вероятно, травмирована спина. — Тебя кто-то ударил? Кто?

— Никто, — ответил Цао Е и неуверенно спросил: — А как там мой отец и... дядя Инь?

Вопрос был задан двусмысленно, и Лян Сычжэ подумал, что он спрашивает об их работе на съёмочной площадке.

— У них всё хорошо, — Лян Сычжэ постарался говорить непринуждённо, желая подбодрить Цао Е. — Ты был прав, дядя Инь как Доразмон, исполняет любое желание твоего отца... А твой отец... он действительно потрясающий. Часто я не знаю, как сыграть сцену, но он подсказывает мне, и всё становится понятно. Вся съёмочная группа его уважает. Поработав с ним, я понял, какой он занятой. Наверное, он не специально тебя игнорирует. Почти год он не покидает съёмочную площадку, каждый день работает до поздней ночи...

— Но он же уезжал пару дней назад? — перебил его Цао Е.

— Ты знаешь про выходные? Это из-за гриппа, — улыбнулся Лян Сычжэ. — Все чихали, мешали съёмкам, вот Цао-лаоши и дал всем три дня чтобы отлежаться...

В этот момент подбежала ассистентка:

— Сычжэ, режиссёр Цао зовёт тебя на съёмки.

— О... хорошо, — ответил Лян Сычжэ. С появлением Цао Е он совсем потерял интерес к съёмкам, но послушаться Цао Сююаня он не мог, иначе он снова бы задержал всю группу.

— Мне нужно идти, — сказал он Цао Е. — Подождёшь меня в доме? Там есть вентилятор, прохладно. Я постараюсь закончить побыстрее.

— Я лучше здесь постою, не буду вам мешать.

— Ладно, — согласился Лян Сычжэ. Если Цао Е пойдёт с ним, он точно не сможет сосредоточиться на съёмках. Лучше закончить побыстрее, а потом поужинать с Цао Е и узнать, что произошло.

Вернувшись, Лян Сычжэ не сразу пошёл на площадку, а зашёл за своими вещами, достал из куртки кошелёк и сказал ассистенту:

— Чжуан-цзе, купи, пожалуйста, мороженое и холодной газировки...

Он не успел договорить, как к нему подбежал ещё один человек:

— Сычжэ, быстрее! Все ждут тебя!

— Иду, — ответил Лян Сычжэ и, повернувшись, бросил ассистенту кошелёк. — Лови! И захвати мой вентилятор, он у меня на стуле. Отдай всё моему другу.

— Хорошо-хорошо, — ответила ассистент, ловя кошелёк. — Иди скорее, а то режиссёр Цао рассердится.

Лян Сычжэ подбежал к Цао Сююаню, который как раз обсуждал что-то с оператором. Увидев Лян Сычжэ, он обнял его за плечи и, отведя в сторону, начал объяснять:

— Ты начнёшь идти отсюда и поднимешься на шестой этаж. Возле каждой двери на каждом этаже ты должен остановиться и прислушаться. Время ты определяешь сам. Не останавливайся, оператор будет следовать за тобой. Мы попробуем снять длинный дубль...

Лян Сычжэ слушал и кивал.

Цао Е немного постоял под деревом, потом отошёл в сторону. Дом скрылся из виду, и он увидел, как Цао Сююань, обнимая Лян Сычжэ за плечи, что-то тому объясняет. Хотя это была обычная поза, старший положил руку на плечо младшего, но Цао Е почему-то почувствовал раздражение. Он смотрел на суетящихся людей. Вся съёмочная группа, больше сотни человек, была занята делом, а он был всего лишь посторонним, словно из другого мира, не из мира Лян Сычжэ.

«И что я ему скажу? Что мой отец спит с дядей Инем? Что ему нужно держаться от них подальше? Нет, лучше ему вообще уйти из кино, чтобы не иметь с ними ничего общего. Они отвратительны! Я не хочу, чтобы он работал с ними бок о бок... Но как же тогда быть с «Тринадцатью днями»? Что будет делать Лян Сычжэ?»

Пока он смотрел в сторону съёмочной площадки, из дома вышел Чжэн Инь. Он что-то говорил сотруднику, и, подняв глаза, встретился взглядом с Цао Е. Несмотря на расстояние в несколько десятков метров, Цао Е заметил, как Чжэн Инь замер. Чжэн Инь что-то сказал своему собеседнику, а затем, оставив его, направился к Цао Е.

— Сяо Е, — услышал он голос Чжэн Иня.

Цао Е инстинктивно отшатнулся, развернулся и бросился бежать. Он не хотел видеть Чжэн Иня, он хотел убежать. В его голове снова и снова всплывала та сцена. Как только она начинала прокручиваться в его памяти, он не мог её остановить. Его снова начало тошнить.

Он бежал долго, несколько сотен, а может, и тысячу метров, пока не убедился, что Чжэн Инь его не догонит. Тогда он замедлил шаг, остановился у дерева на обочине. Желудок несколько раз содрогнулся спазмами, его сильно тошнило. Прохожие оглядывались на него, но он не обращал на них внимания. Он прислонился к стволу дерева, спиной к дороге, пытаясь справиться с тошнотой.

Отвратительно. Всё было ложью. Вот почему они были так добры к нему. А он-то считал Чжэн Иня вторым человеком после отца, которому можно доверять. Лжецы, чёрт возьми! Когда это началось? Когда ему было шесть и он впервые увидел Чжэн Иня? Или ещё раньше? Десять лет его обманывали! Считали дураком! «Как говорится, продан и ещё деньги пересчитываю — это про такого дурака, как я, верно?» Лицемеры, подлецы, мерзавцы!

Цао Е отошёл от дерева и пошёл в противоположную от съёмочной площадки сторону. Он не знал, куда идёт, но ему нужно было держаться от них подальше. Он не понимал, зачем приехал сюда. У него было много друзей, но почему он решил навестить именно Лян Сычжэ? Тот тоже раздражал. Зачем он рассказывал, что Чжэн Инь как Доразмон, что Цао Сююань очень занят? Неужели он тоже был в курсе и решил подыграть, обманывая его? «Чёрт, на чьей ты вообще стороне?!»

Он поймал такси и поехал к Линь Яню. У него было полно друзей, на Лян Сычжэ свет клином не сошелся. Добравшись до дома Линь Яня, он нажал на кнопку звонка. Линь Янь открыл ему дверь, Цао Е вяло поздоровался и прошёл в гостиную. Линь Янь закрыл за ним дверь.

Из спальни послышался ленивый мужской голос:

— Янь-гэ, закрой дверь.

Цао Е резко обернулся и его рефлекторно вырвало. Линь Янь, шедший следом, не успел

остановиться и весь оказался забрызган рвотными массами. Он отпрыгнул назад:

— Вот чёрт!

Цао Е, прикрывая рот рукой, побежал в туалет и, склонившись над унитазом, изверг всё, что съел за обедом.

— Что случилось? — Линь Янь снял футболку и, голый по пояс, зашёл в туалет. — Тебя тошнит, что ли, Е-цзы? Кто-то тебя обрюхатил?

— Отвали!

— Ты меня облевал, а теперь говоришь «отвали»? Где справедливость, чёрт возьми... Нет, серьёзно, что с тобой? Заболел?

Цао Е умылся, попил воды из-под крана, прополоскал рот и сплюнул в унитаз.

— Почему ты не сказал, что у тебя дома кто-то есть?

— Я и раньше не говорил, что у меня кто-то есть. Ты занимаешься своими делами, я — своими. У меня хорошая звукоизоляция, никто никому не мешает, — Линь Янь подошёл и обнял его за плечи. — Если хочешь подслушивать, я не против.

— Отвратительно! — Цао Е оттолкнул его, вышел из туалета, прошёл через гостиную и, распахнув входную дверь, вышел на лестничную площадку.

— Эй, ты куда? — крикнул Линь Янь. — Не останешься?

Цао Е с силой захлопнул дверь. Когда Линь Янь открыл дверь и выбежал на площадку, Цао Е уже спускался в лифте.

«Чёрт, что делать? Кому рассказать об этом?» Он чувствовал, как ком подступает к горлу. Он не хотел говорить с Линь Янем. Сейчас при взгляде на него снова подкатывала тошнота. Подумать только, он же ходил с ним в гей-бар!

Рассказать Чи Минъяо? Бесполезно, тот ещё инфантильнее, чем он сам. Может, рассказать Да Баю? Нет, если рассказать ему, то завтра об этом будет знать весь мир. Ему точно нельзя никому говорить. «У меня обычно столько друзей, а сейчас даже не с кем поговорить». Неудивительно, что он поехал к Лян Сычжэ. Если уж и рассказывать кому-то, то только ему.

Лян Сычжэ был самым зрелым из всех его друзей. И это была не наигранная зрелость, а настоящая, та, которая помогает найти выход из любой ситуации. И он мог быть уверен, что Лян Сычжэ никому не расскажет. Но тот только что расхваливал Цао Сююаня и Чжэн Иня! Как же бесит! Он каждый день проводит на съёмочной площадке, неужели он не замечает, что между ними что-то есть? Он же даже понял, что сяо Мань влюблён в Пэн Янь!

Они точно заодно. Цао Е увидел на дороге пластиковую бутылку и с силой пнул её. Бутылка взлетела высоко в воздух, упала на землю и пару раз беспомощно подпрыгнула. Он достал телефон и позвонил Ли Ю. Гудки шли долго, прежде чем в трубке послышалась музыка.

— Алло, сяо Е? — сказала Ли Ю.

— Мама, что ты делаешь? — услышав голос матери, Цао Е чуть не расплакался от обиды. Ну почему всё так?

— У меня вечером концерт, репетирую с оркестром. Ты видел отца на съёмочной площадке?

— Нет...

— Как это не видел? Ты же говорил, что поедешь к нему учиться снимать кино?

Цао Е молчал, не зная, что ответить.

Ли Ю со смехом сказала:

— А, понятно. Он опять занят и не обращает на тебя внимания? А дядя Чжэн Инь? Ты можешь учиться у него. Если хочешь заниматься кино, нужно учиться у профессионалов. Как-никак, команда твоего отца — лучшая в Китае...

«Но я видел, как мой отец и дядя Инь...» Он не мог произнести это вслух. Как рассказать такое матери? Его чуть не вырвало, когда он увидел их вместе. Что будет с Ли Ю, если она узнает? Блядь. Как же всё это бесит!

— Ладно, — ответил Цао Е, подавляя раздражение и стараясь говорить ровным голосом. После этого разговора он совсем растерялся. Нужно было рассказать маме, но как начать этот разговор?

Закончив звонок, он присел под деревом, глядя на проезжающие машины. Он был совершенно потерян. Вчерашний день казался ему крушением всего, во что он верил. Обломки рухнувшей веры падали на него, захлёстывая и грозя раздавить...

—

Выйти из роли оказалось легко, но вернуться обратно — очень сложно.

— Не то.

— Эмоции не те.

— Ещё раз.

— Ещё раз.

— Ещё раз.

— Что случилось? Ты совсем не в форме. За три дня отдыха ты совсем отупел, что ли? — на шестом дубле Цао Сююань бросил сценарий и махнул рукой в сторону Лян Сычжэ. — Иди, подумай.

Лян Сычжэ вышел из кадра и пошёл за сценарием. Цао Сююань был прав, он не вжился в роль. Новичок без актёрского опыта, как он, не может играть, не войдя в образ. Он подошёл к стулу, взял сценарий и вентилятор, который никто не забрал, и отошёл к стене дома. Под деревом никого не было. Цао Е ушёл. Солнце уже не пекло так сильно, приближался закат, и тени от деревьев стали длиннее. Лян Сычжэ огляделся и помахал ассистенту. Она подбежала к нему с бутылкой воды.

— Мой друг уже ушёл? — спросил Лян Сычжэ, откручивая крышку и делая несколько глотков.

— Давно. Я вернулась с водой и мороженым, а его уже не было.

— О, — Лян Сычжэ вытер губы и нахмурился. Что же всё-таки случилось?

Мороженое на стуле растаяло, бумажный стаканчик размок и стал липким, газировка нагрелась на солнце. «Пришёл и сразу ушёл... Наверное, он хотел что-то сказать?»

В этот момент Лян Сычжэ заметил, как Чжэн Инь подошёл к монитору и серьёзным тоном позвал:

— Юань Гэ, — голос его стал тише, и Лян Сычжэ смог разобрать только первые два слова: «Сяо Е».

Через некоторое время Цао Сююань нахмурился:

— О чём мне с ним говорить? Он ребёнок! Что он понимает во взрослых делах? — Чжэн Инь хотел что-то сказать, но Цао Сююань перебил его. — Всё, на съёмочной площадке личные дела не обсуждаем.

Чжэн Инь всегда спокойно решал все проблемы на съёмках, но сейчас он выглядел обеспокоенным. Это было странно. Лян Сычжэ задумался. Неужели Цао Е снова поссорился с отцом? Странно, что каждый раз, когда у них возникал конфликт, переживал именно Чжэн Инь. Лян Сычжэ пошёл в комнату отдыха, взял телефон и позвонил Цао Е. Тот не ответил. Он позвонил ещё раз, и Цао Е сбросил вызов.

Кто-то зашёл и сказал:

— Режиссёр Цао спрашивает, ты готов?

— Почти, скоро буду, — ответил Лян Сычжэ.

Они снимали до темноты, но длинный дубль со сценой на лестнице так и не получился. Цао Сююань говорил, что он не в форме, и это было правдой. Лян Сычжэ не мог сосредоточиться, он волновался за Цао Е. Вернувшись в отель, он снова позвонил Цао Е. На этот раз ответили, но это был не Цао Е, а, кажется, Линь Янь.

— Он спит... А, он приезжал к тебе днём. У него всё в порядке, просто соскучился по тебе, —

несерьёзно ответил Линь Янь.

Услышав этот раздражающий голос, Лян Сычжэ не стал долго разговаривать, коротко расспросил о Цао Е и повесил трубку.

В прошлый раз они поссорились из-за того, что Цао Е пошёл в бар. Что случилось на этот раз? Неужели он снова пошёл в бар? С Линь Янем это было неизбежно. Этот парень... Он же говорил, что больше не хочет дружить с Линь Янем.

После этого Лян Сычжэ больше не видел Цао Е. Как только он входил в роль, ему становилось трудно отделить себя от сяо Маня. Последние три месяца они снимали кульминационную сцену длительностью двадцать минут. Накопленное напряжение достигло предела. Он чувствовал себя так, словно тонет. Каждый день, погружаясь в эту гнетущую атмосферу, он задыхался от боли.

Три месяца спустя съёмки фильма «Тринадцать дней» официально завершились. В тот вечер Лян Сычжэ снова позвонил Цао Е. Он хотел встретиться с ним. Даже если Цао Е не сможет вернуться, ничего страшного, он получил гонорар и мог поехать к нему за границу. Единственный способ, который он мог придумать, чтобы быстрее выйти из роли сяо Маня — это увидеть Цао Е.

Однако Цао Е не ответил. После этого звонка Лян Сычжэ вдруг понял, что Цао Е, похоже, намеренно избегал его. Он не мог понять почему. Может, в тот день на съёмках он заставил молодого господина слишком долго ждать под палящим солнцем, и тот обиделся? Или Цао Е поссорился с Цао Сююанем, а он не стал его сразу утешать, и тот затаил обиду?

Как бы он ни гадал, он не мог связаться с Цао Е, не мог его найти, поэтому ему оставалось только блуждать между реальностью и ролью, то приходя в себя, то снова теряясь, каждый день живя в ощущении, будто он тонет.

После этого он начал встречаться с Ху Юйсы. Сначала ему казалось, что он действительно увлечён ею, как сяо Мань был увлечён Пэн Янь. Но после того, как они начали встречаться, он понял, что Ху Юйсы и Пэн Янь — совершенно разные люди, и он — не сяо Мань. Фильм — вымысел, роль — вымысел, и его увлечение Ху Юйсы тоже было вымышленным.

Так он постепенно вышел из роли. Он смог сделать это и без Цао Е, просто это заняло больше времени. Их отношения продлились три месяца. В итоге никто никому не сказал о расставании. Ху Юйсы получила новую роль, они перестали общаться, и на этом всё закончилось.

После этого Лян Сычжэ и Цао Е снова встретились на церемонии вручения премии «Золотая статуэтка».

Решение подать заявку на номинацию Лян Сычжэ как лучшего актёра принял Цао Сююань. В тот вечер после окончания съёмок Чжэн Инь, сидя на пассажирском сиденье, обернулся и спросил у Цао Сююаня, какую номинацию выбрать для Лян Сычжэ — лучший дебют или лучший актёр. Цао Сююань, немного выпивший, сидел на заднем сиденье с закрытыми глазами и бросил ему всего два слова: «Лучший актёр».

По идее, для новичка, такого как Лян Сычжэ, было бы разумнее подать заявку на номинацию «Лучший дебют», но раз уж так сказал Цао Сююань, никто не смел возражать. Во всех вопросах, касающихся кино, все безоговорочно доверяли Цао Сююаню.

Всеми делами, не связанными с фильмом, занимался Чжэн Инь. Он даже подготовил костюм для Лян Сычжэ: чёрный костюм с тонкими белыми полосками и галстук с диагональным рисунком — это всё выглядело торжественно, но не слишком старомодно.

Чжэн Инь сообщил Лян Сычжэ о номинации и принёс костюм.

— Надень это на церемонию, — сказал он, оглядывая его. — Твои волосы отросли, собери их. На таком мероприятии не нужно скрывать свою индивидуальность.

Лян Сычжэ согласился, хотя и не верил, что сможет подняться на сцену. За год с лишним съёмок «Тринадцати дней» он большую часть времени не понимал, что именно он играет.

Но, как оказалось, Чжэн Инь был прав. «Тринадцать дней» сначала получил награду, а потом вышел в прокат. До этого, кроме размытых фотографий папарацци, никто не знал, какого

новичка продвигает Цао Сююань. На форумах строили догадки, каждый день появлялись новые слухи, СМИ и публика сгорали от любопытства.

А после той ночи молодой актёр Лян Сычжэ в костюме, с собранными волосами, выглядевший дерзко и непокорно, стоя на сцене в свете софитов с наградой в руках, попал на первые полосы всех газет и запомнился всем.

Автору есть что сказать: «Доброе утро, Лян Сычжэ! Обязательно получи награду за лучшую мужскую роль! Увидимся на церемонии!»

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130279>